

Кристина Светашова

Код одиночества.
Часть 1

Кристина Светашова

Код одиночества. Часть 1

«Автор»

2026

Светашова К.

Код одиночества. Часть 1 / К. Светашова — «Автор», 2026

Когда тревога и одиночество оглушают, даже в самых обыденных вещах вдруг начинают мелькать знаки. Главное, не уходить в одержимость ими, а бережно выбирать те, которые дают опору и спокойствие. В первой части девушка по имени Ханна собирает себя по частям после расставания. Однажды ей начинает казаться, что в реальности всё не просто так. Опираясь на собственный опыт, она выстраивает максимально простую, но железную для неё логику: в хаосе мира прячутся закономерности. Для Ханны искать скрытые связи - не просто личная привычка, а профессиональный рефлекс специалиста по кибербезопасности. Поэтому ей так легко поверить, что за случайными событиями стоит чёткий, отлаженный алгоритм. Тем не менее, иллюзорная упорядоченность терпит крах при первом столкновении с реальностью. Но именно в этом признании неопределённости и рождаются её самостоятельные шаги в жизнь.

© Светашова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. МИРАЖИ	5
Глава 1. ИМЯ	6
Глава 2. Кто ты, одинокий странник?	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Код одиночества. Часть 1

Часть 1. МИРАЖИ

*Успех – это умение двигаться от неудачи к неудаче,
не теряя энтузиазма*
- У. Черчилль

Глава 1. ИМЯ

Что означает ваше имя? Вы хоть раз задумывались об этом, искали информацию в Интернете? Или вы не верите в знаки? Что ж, незнание законов вселенной не освобождает от ответственности перед ней...

Никто на свете так свято не верил в высшую цель своего существования и не видел в своём имени намёк на чувство долга перед вселенной, как наша героиня Ханна. Девушка с малых лет была убеждена, что должна исполнить какое-то высшее предназначение и принести пользу миру. Ни на секунду своей жизни она не забывала о значении своего имени - «милость Божья». Православная по своей вере, она редко посещала церковь, но с пятнадцати лет решила, что занятия научной деятельностью в какой-то мере оправдают её пренебрежение Богом.

А началось всё с книжки «Тайна вашего имени», которая стояла на полке в квартире её тёти Марины. Тётя Марина посвятила работе в школе 20 лет, 15 из которых была учителем начальных классов, а впоследствии стала завучем. У неё был прагматичный характер, и ни в какие знаки судьбы она, конечно, не верила. Будучи молодой учительницей, Марина наткнулась на «Тайну вашего имени» в книжном магазине, когда искала методичку по развитию речи. Броское название книги привлекло её внимание.

«Вот это тема для классного часа!» – подумала Марина. – Попрошу ребят подготовить небольшие выступления: пусть расскажут, откуда взялось их имя, у каких исторических личностей оно встречалось. Это и кругозор расширит, и навык публичных выступлений потренирует.

Она взяла книгу в руки, думая не о тайнах, а о том, как уместить ещё одно внеурочное занятие в и без того плотное расписание:

«А книгу возьму на память об этой идее» – решила она, представляя гордые выступления детей.

Задумка с классным часом так и не нашла применения, а книга с розовыми переливающимися буквами поселилась на полке как лаконичное и немного таинственное украшение комнаты, которую тётя постоянно оформляла в розовом цвете.

Именно с этой полки её и сняла однажды Ханна. На тот момент ей было четыре или пять, и она часто гостила у тёти на выходных. Пока взрослые пили чай на кухне, девочка лазила по книжным полкам, вытаскивая то одну книжку, то другую. Эксцентричная обложка с крупными розовыми буквами захватила её внимание.

- Тётя, а про что эта книга? – спросила Ханна, принеся книгу на кухню.

- Это про имена, – ответила она. – Знаешь, у каждого имени есть своё значение. – добавила она значительно. - Я хотела с ребятами в классе про это поговорить, да всё руки не доходили.

- А про моё имя тут есть? – не унималась Ханна.

- И про Ханну есть. У каждого имени есть своя история, и она может многое рассказать о человеке, а иногда даже подсказывает, кем ему стать. – ответила тётя, делая акцент на каждом сказанном слове.

Ханна слушала, не моргая. Для неё слово «история» прозвучало как «судьба».

«Значит, моё имя мне что-то велит» – произнесла про себя девочка, но вслух не решилась сказать. Она молча кивнула тёте и унесла книгу в комнату.

Раскрыв книгу на странице с именем Ханна, она прочитала по буквам «Милость Божья». «Как красиво» – подумала девочка. С этого дня книга приобрела для неё сакральное значение. Каждый раз, приходя в гости к тётушке, она перечитывала страницы, посвящённые своему имени. С каждым годом всё больше слов на них становились понятными, а вместе с тем,

наделялись девочкой своеобразной «священностью». В книге описывался характер девочек и девушек, рождённых под именем Ханна, и эти строчки Ханна наивно принимала как истину.

Со временем интерес к книге претерпевал изменения. Так, в начальной школе она «гуглила» в ней имя понравившегося мальчика, расшифровывала имена и характеры друзей и родных, искала связи и смыслы между именами – короче говоря, все окружающие её люди проходили через фильтр этой странной книги.

Лет с двенадцати Ханна начала относиться к «Тайнам» иронично. Она всё ещё пролистывала страницы, но теперь искала не знаки судьбы, а забавные совпадения. Один раз её рассмешила строчка: «Тяга к порядку и систематизации».

- Ага, – подумала Ханна, оглядывая свою комнату. – Особенно это заметно по моему ящику с носками.

Книга перестала быть компасом, но осталась якорем. Ханна считала, что давно выросла из сказок, которые сама себе придумывала в детстве. «Глупости всё это» - думала она каждый раз. С тем же убеждением она вошла во взрослую жизнь, не осознавая, что выбор профессии был напрямую связан с её детскими размышлениями о своей судьбе и глубоком значении имени. Она выбросила «якорь» из головы, решив строить жизнь на логике. Но судьба, как и в детстве, уже готовила ей знаки – только теперь они были зашифрованы в строках кода и алгоритмах защиты.

Глава 2. Кто ты, одинокий странник?

На старом мосту, перила которого были окутаны паутиной, слегка обдуваемой нежным ветром, стояла девушка лет двадцати пяти. Она смотрела на во всю золотившийся закат, который казался ей почти театральным, киношным, неживым. В голове кружились мысли о разных событиях из прожитой ею четверти века – клочках жизни, из которых, как бы она ни старалась, не складывался смысл.

В её представлении к двадцати пяти годам жизнь уже должна была быть выстроена в логическую, стройную конструкцию. Долгое время ей казалось, что судьбу можно расписать и спланировать, но реальность подкидывала новые испытания. То и дело ожидания, возложенные на жизнь, нарушали случайные встречи, роковые события, влюблённости, предательства тех, кому она доверяла... А все важные жизненные решения, как оказалось, принимались ею из-за усталости, слабости, желания выстроить хоть какую-то опору, хоть какие-то границы. И теперь, стоя на этом мосту в ожидании кого-то или чего-то, она вдруг поймала себя на мысли: «а что, если отпустить этот контроль, перестать ждать, что кто-то или что-то станет компасом и просто позволить себе быть живой?»

Ветер тронул паутину на перилах, и та задрожала, переливаясь в последних лучах солнца. Ханна посмотрела на эту хрупкую, почти невидимую сеть и подумала: «Пауки не строят чертежи. Они просто начинают плести. И если нить ложится не туда, не ругают себя за ошибку, а делают новый виток».

Но никакое умозаключение не помогло бы ей набраться смелости, чтобы оставить привычку собирать жизнь по кусочкам в идеальную картину, поэтому она продолжала пребывать в отчаянном ожидании того, кто поможет ей исполнить своё предназначение... В очередной раз.

Ханна сжала перила пальцами, будто пытаясь удержать не равновесие, а свою надежду, хрупкую, как паутина, что дрожала рядом: «Это неправильно – ждать опоры извне, взрослый человек должен сам выбирать дорогу».

Еле слышно, почти робко прозвучали чьи-то неспешные шаги, как будто направляющийся к ней тоже боялся спугнуть этот момент. Ханна не сразу повернулась. Она будто цеплялась за последние обрывки своих мыслей. Словно, если она отпустит их хоть на секунду, они разлетятся, как паутина под порывом ветра.

Но одна мысль, острая и колючая, всё настойчивее пробивалась сквозь остальные: «А вдруг это он? Тот, кто всё решит, расставит по местам, скажет, куда идти?» Она не успела её удержать – мысль вырвалась наружу, заставив Ханну резко вскинуть голову и встретить его взгляд.

Он стоял в нескольких шагах, слегка наклонив голову, будто тоже не решался встретиться с ней взглядом. Увидев в его смущении саму себя, она решительно подошла к нему и протянула руку, а когда он спонтанно протянул в ответ свою, вдруг замешалась:

- Я Ханна! Ну, то есть, ты итак знаешь... Но вдруг тут, вживую, всё по-другому, не так, как в переписке, и надо заново.

Он чуть кивнул, ответил что-то тихое – может, «привет», а может, назвал своё имя в ответ, подхватив спонтанно её порыв, как с пожатием руки. Но Ханна не расслышала: её будто затянуло внутрь себя, где мысли теперь кружились, как обрывки паутины на ветру. На секунду такой уход в себя ей показался нелогичным и неправильным, и она поспешила вынырнуть из этого состояния. Не успев поймать себя за язык, она вдруг выдала неожиданно:

- Знаешь, я тут пока ждала тебя, смотрела на паутину на перилах. Такая тонкая, почти прозрачная, а держится. Я думала о том, что пауки ведь не строят чертежей, не строят планов на неделю вперёд. Они просто плетут сеть из нити. А если ложится не туда, не отчаиваются и

не сдаются, а делают новый виток. А я всё пытаюсь расчертить каждый шаг, и от этого только больше путаюсь...

Ханна запнулась, будто только сейчас осознала, сколько выложила незнакомому человеку за минуту их первой встречи вживую. Посмотрев на него, она отметила про себя его внимательный взгляд: он будто прислушивался не только к словам, но и к тому, что скрывалось за ними.

- Ой, извини, наверное, не с того начала... пойдём? – выпалила она и указала рукой вдоль обросших травой заброшенных рельс, разложившихся на мостовой дороге, как бы приглашая прогуляться по ним.

- Да нет, не извиняйся... А насчёт паука - интересное сравнение... – ответил он задумчиво. - Знаешь, в науке есть удивительный факт: паук не просто плетёт наугад – он будто чувствует физику пространства. Сначала он создаёт каркас, а потом уже идёт по нему, словно архитектор, который сначала ставит опоры, а потом натягивает перекрытия.

Эти слова на секунду остановили в Ханне весь внутренний шум. Она вдруг поняла, что впервые жизни не стремится подобрать «правильную реакцию».

- Ничего себе, а ты и правда умный! – вырвалось у неё. Тут же она испугалась собственной прямооты и детского восхищения, но не стала забирать слова назад. А про себя подумала: «Как глубоко он разбирается в вещах... Не ограничивается фактами, а улавливает ту самую скрытую архитектуру мира, которую не видно с первого взгляда. Как будто он сможет и мою путаницу уложить в понятный каркас...»

Он гордо ухмыльнулся, а потом пожал плечами, будто застенчившись своей увлечённостью, и в голосе зазвучала лёгкая самоирония:

- Да я не умный, просто любопытный. Я ведь в детстве хотел связать свою жизнь с животными... всё вокруг разглядывал, изучал: муравьёв, чтобы понять, куда они бегут и почему, жуков переворачивал и смотрел, как устроены лапки. На самом деле, очень интересно наблюдать за поведением животных...

- А почему в итоге не стал заниматься этим профессионально? – спросила Ханна, уловив искренний интерес собеседника к новой теме.

Он улыбнулся, и в этой улыбке мелькнула тень старой детской мечты. Он заговорил ещё более живым голосом:

- В какой-то момент я вдруг понял, что меня завораживает не только сама жизнь, но и то, как в ней всё устроено. Как из простых элементов рождается сложная система. Это ведь тоже своего рода архитектура – только не живая, а созданная человеком.

Спутник на секунду замолчал, подбирая слова, будто сам заново складывал в голове эту историю:

- Родители увидели во мне будущего инженера. Да я и сам... в какой-то момент поймал себя на том, что технические навыки во мне более выражены. Нравится копаться в устройстве вещей, распутывать, как что работает. В этом есть своя надёжность: законы и формулы не зависят от настроения – на каждый вопрос есть ответ. Это дало мне ту самую ясность, которой не хватало в хаосе эмоций.

После этих слов Ханна почувствовала глубокую связь между ними. Ей захотелось показать, что она его услышала и что её «путаница» – не упрёк его стремлению к порядку, а просто другая сторона той же медали.

- Знаешь, когда ты говоришь про формулы и про то, что на каждый вопрос есть ответ... мне от этого одновременно и спокойнее, и немного грустно. Потому что я всю жизнь пытаюсь найти такую формулу для себя, а она всё время рассыпается. Как будто я строю каркас, а ветер тут же срывает перекрытия. Одним словом, сплошные разочарования... – и в этот момент её взгляд загадочным для неё образом упал на сорванные ветром обрывки паутины. – Мне кажется, я завидую этой твоей ясности. Не потому, что хочу стать такой же, это невозможно,

а потому что рядом с ней моя путаница вдруг перестаёт казаться такой страшной... - слова будто слетали с языка.

Он чуть улыбнулся, не спеша с ответом, и провёл ладонью по перилам, будто стряхивая невидимую пыль.

- Наверное, в этом и есть баланс, – сказал он наконец, словно разглядывая что-то вдали. – Один строит каркас, другой учится не бояться, что он пока кривой. И когда они идут рядом, даже ветер не так сильно раскачивает.

Он засунул руки в карманы и чуть подвинулся, не нарушая дистанции, но как будто давая понять: он здесь, он никуда не торопится. И где-то между их молчанием и шумом машин под мостом вдруг стало тихо – по-настоящему тихо, без внутреннего шума.

Внутри Ханны что-то тихо расслабилось. Она почувствовала, что рядом с ним можно не казаться слишком собранной и рассудительной. Можно было говорить о паутине и устройстве мира, и это почему-то казалось самым правильным разговором на свете.

Когда они дошли до конца моста, в разговоре всё ещё держалась молчаливая пауза. Ханне вдруг показалось, что именно она должна прервать её:

- Я когда-то в восьмом классе работала над научно-исследовательской работой по золотому сечению. Когда учитель посоветовала эту тему, я решила, что это просто математика, скучные пропорции. А потом по-настоящему погрузилась в неё... - В этот момент они спускались по лестнице с моста. - Оказывается, принцип золотого сечения, суть которого в определённой математической пропорции, очень тесно связан с гармонией и красотой и встречается практически везде - в природе, архитектуре, и, по-моему, даже в «Моне Лизе» обнаружили эти пропорции... Я когда это узнала, меня как будто накрыло, начало казаться, что в мире всё неслучайно. – Ханна улыбнулась, словно сама над собой посмеиваясь за ту детскую одержимость. – Я тогда прям загорелась. Решила: стану учёной, буду искать разные закономерности и доказывать, что везде, где есть логика и система, есть и красота, совершенство. Мне казалось, если научиться видеть связи, то в голове и в мире всё станет понятным и очевидным.

Молодой человек старался не спугнуть рассказ, а поймав на себе взволнованный взгляд Ханны, брошенный после недолгого молчания, спросил:

- А потом?

Ханна пожала плечами, и в её голосе проступила усталая ирония:

- А потом оказалось, что мир не очень-то хочет, чтобы его раскладывали по полочкам. Поступила на направление «Информационная безопасность», а доучивалась уже для галочки. Жизнь показала, что «идеальный код» не работает... Нельзя всё свести к формуле, даже если очень хочется. – Она вдруг вспомнила про паутину, которая осталась где-то на мосту. Её осенило, что они давно уже спустились.

«Я словно спала» - подумала она и начала оглядываться по сторонам, пытаясь определить, где они находятся.

Взору открылась набережная, со всех сторон их окружали люди: они шли навстречу, сидели на лавочках, кто-то ел мороженое... Пели птицы, солнце уже практически не показывалось, слева простиралась река, по которой плыл катер. Ханна сама не помнила, как ноги привели её сюда, и даже растерялась из-за того, что прервала свой рассказ мыслями об этой недолгой отрешённости от мира, которая показалась ей крайне глупой и неуместной. Поймав на себе недоумевающий взгляд спутника, она дрожащим голосом, будто ничего не произошло, продолжила:

- Вот ты говорил про каркас. Так вот, золотое сечение – это ведь тоже своего рода каркас. В Парфеноне его использовали, чтобы здание казалось гармоничным. Даже в человеческом теле кое-где оно прослеживается. Мне тогда в школе показалось это всё настолько необыкновенным, что, каждый раз узнавая о мире какую-то новую информацию, я пыталась встроить

её в свою картину взаимосвязей между рациональным и прекрасным... Однажды даже начала сводить всё к числам...

- Это красивая мечта. Искать гармонию в числах.

Ханна кивнула, но тут же снова пожала плечами, будто сбрасывая с себя эту тяжесть:

- Да, только вот жизнь любит подкидывать свои уравнения. И решаются они не по правилам.

Практически с самой встречи головы их были опущены, взгляды смотрели куда-то себе под ноги. Ханна чуть приподняла подбородок и попыталась вернуть разговор в спокойное русло:

- Ну вот... типа как бы отучилась, но не работаю по специальности, – сухо бросила она, будто сама стеснялась этой фразы, и снова уставилась себе под ноги.

Спутник чуть замедлил шаг, словно хотел дать ей время, но всё же не удержался – повернул к ней голову, в голосе прозвучало не любопытство, а бережное, почти осторожное недоумение:

- Почему?

Ханна вздохнула и с некоторым разочарованием отметила про себя, что уже не впервые слышит этот вопрос.

- В какой-то момент всё просто... потеряло смысл, - призналась она. – Я училась выстраивать эти идеальные защиты, предусматривать все угрозы... А в собственной жизни не смогла ни одну дверь удержать закрытой. Не умела защищать себя, когда надо было просто сказать «нет». И не смогла потом сидеть, работать в ИБ и притворяться, будто я могу сделать мир безопаснее... Это мне стало казаться насмешкой.

Она на секунду прикрыла глаза, будто отгоняя воспоминания:

- Строить стены, но самой за ними не прятаться... Я плохой защитник.

- И в чём ты себя нашла? – спросил собеседник, стараясь не касаться некомфортной для неё темы о незащищённости.

- Да, в общем-то, ни в чём. Устроилась модератором в приложение для знакомств... не в то, где мы познакомились... – Со странной улыбкой добавила она. – Мне в ленту падают сообщения – сплошной поток: спам, чьи-то обиды, бессмыслица. И я сижу и сверяю каждое с правилами. Не потому, что хочу быть надзирателем. А потому что тут я хотя бы могу сделать так, чтобы кого-то не обидели.

Она попыталась сделать вид, что это пустяк, но в голосе прорвалось что-то настоящее:

- Мне кажется, я просто пока учусь быть защитником, учусь жизни... И то, что я делаю это для людей, меня хотя бы немного успокаивает.

На город потихоньку спускался вечер, он был тёплым и уютным. Ханна вздохнула и предложила своему спутнику постоять у парапета.

- Знаешь, - сказал он, прислонившись немного к ограждению, но оставаясь повернутым к ней, – а у меня всё было совсем наоборот: на последних курсах универа всё так завертелось. Учёба, работать ещё начал инженером-конструктором. И вот это сочетание... лекции, семинары, ночные расчёты, а днём – реальные задачи... - он вдруг остановился, как бы избегая погружения в тонкие нюансы профессии. – Я тогда прям раздувался от собственной значимости. Казалось, что я уже не студент, а полноценный игрок.

Он хмыкнул, и в этом смешке было столько самоиронии, что Ханна невольно улыбнулась – не над ним, а вместе с ним, потому что узнавала в этом знакомое: когда хочешь казаться взрослее, чем ты есть.

- А потом по корпоративным тусовкам... мероприятиям от компании начал мотаться, - он снова коротко хмыкнул, будто отмахивался от той своей прошлой важности. – Конференции, встречи, всё такое. Обсуждать с опытными коллегами бюджеты, сроки, проекты. Начал

многое себе позволять. Ну, пока там условно одноклассники доширак ели, я мог себе позволить морепродукты, как будто это какой-то обязательный атрибут «успешного взрослого»

- Ну короче, зазнался... звезду поймал! - воскликнула Ханна.

- Ну да! – с улыбкой подхватил он, продолжая хмыкать.

Ханна вдруг почувствовала какую-то радость и лёгкость внутри: здесь больше не нужно казаться какой-то особенной и можно начинать делиться тем, что сидит глубоко в душе.

Этот желанный порыв рассказать что-то личное прервали случайно столкнувшиеся взгляды, после чего Ханна не смогла отвести свой, потому что обнаружила для себя новое «прекрасное» этого вечера: в его тёмно-серых глазах, словно пробиваясь сквозь сумерки, в самой середине светилось солнце. Не отблеск уличного фонаря, не случайный блик – просто такой у него был цвет, как крошечный огонёк, спрятанный в самом центре.

- У тебя в глазах солнце, - сказала она загадочно и тихо, боясь спугнуть момент.

Тим на секунду замер, а потом вдруг расплылся в улыбке:

- Вай-вай-вай, - протянул он, - Спасибо. Честно, никогда не думал про свои глаза так. Но если ты видишь солнце – пусть будет солнце.

Ханна приняла эту реакцию как подарок, искренний, настоящий. И добавила:

- Знаешь, ещё похоже на янтарь. Большая редкость... – в мыслях у девушки пронеслось ещё одно сравнение, но она решила больше не смущать красивыми словами собеседника.

- Хорошо, пусть будет янтарь. Вообще, ты мне первая такое говоришь. Это очень приятно... Пусть этот янтарь будет для тебя.

- Поверь, я его запомню на всю жизнь.

Они неспешно дошли до парка, и тут до них долетел аромат жареной картошки. Ханна невольно втянула воздух и рассмеялась:

- Блин, да тут можно просто стоять и есть этот запах.

Он улыбнулся, глядя на вывеску «Вкусно и точки:

- А можно не только нюхать. Зайдём? Я угощаю. После всех этих моих «статусных» ужинов с морепродуктами мне сейчас как раз хочется чего-то простого: картошка, бургер.

- Ты серьёзно? – спросила Ханна, удивляясь столь спонтанному решению.

- Да, а почему нет? Так что, пойдём? Или ты хотела просто по парку погулять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.